

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.9

А.С. Князьков

ЗАКОННОСТЬ И ЭТИЧНОСТЬ ПРИЕМОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В ХОДЕ ДОПРОСА

Анализу подвергаются проблемные положения законности и этичности приемов допроса в ситуации оказания противодействия расследованию в ходе допроса. Исследуются критерии допустимости психологического воздействия следователя как содержания соответствующих тактических приемов в контексте соблюдения права допрашиваемого лица на уважение его чести и достоинства.

Ключевые слова: тактика допроса, тактические приемы, законность тактического приема, этичность тактического приема, противодействие расследованию, невербальная коммуникация.

Одним из наиболее сложных вопросов криминалистики является вопрос о законности и этичности применяемых в ходе следственного действия должностным лицом приемов, направленных на идеальные объекты. Это обусловлено тесным переплетением этичности и законности в уголовном судопроизводстве, а также тем, что содержанием таких приемов чаще всего является психологическое воздействие – средство, природа которого не позволяет определить и точно выразить его параметры.

Средством допроса, как уже отмечено, является психологическое воздействие, которое оказывают друг на друга участники данного процессуального действия. Причем необходимо учитывать то обстоятельство, что психологическая атмосфера допроса определяется не только психологическим воздействием со стороны должностного лица, но и таким же по характеру воздействием на него со стороны допрашиваемого, особенно если речь идет о допросе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. И в этом случае для следователя психологическое воздействие есть средство получения криминалистически значимой информации, в то время как для подозреваемого (обвиняемого) лица, если оно преследует противоположную цель, такое воздействие является средством процессуальной защиты. Однако в любом случае допрос как разновидность общения предполагает существование психологического воздействия: другими словами, психологическое воздействие имманентно, внутренне присуще допросу, проистекает из природы общения как такового. Исходя из этого, ошибочным представляется мнение тех авторов, которые считают неправомерным любое психологическое воздействие на допрашиваемое лицо. Очевидно, правильной будет постановка вопроса о запрещении лишь определенных приемов психологического воздействия на допрашиваемое лицо.

Независимо от процессуального положения допрашиваемого лица и занятой им позиции на допросе

недопустимыми в соответствии с требованиями УПК РФ являются такие приемы воздействия на допрашиваемое лицо, содержанием которых являются:

- угроза и шантаж;
- физическое и психическое насилие;
- иные незаконные меры (ст. 164 УПК РФ).

Давая характеристику признаку законности тактического приема, необходимо подчеркнуть, что он, как и этичность, носит общий, «рамочный» характер, поскольку в УПК РФ криминалистические рекомендации как таковые отсутствуют. Следует заметить, что оценка способа действия именно как тактического приема должна происходить путем анализа соответствия названного способа не только принципу законности (ст. 7 УПК РФ), но и другим принципам уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в числе принципиальных положений содержит запрет на применение насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращение. Не могут считаться законными любые действия лиц-участников уголовного судопроизводства, создающие опасность для здоровья и жизни.

Кроме того, психологическое воздействие не может быть основано на использовании низменных побуждений допрашиваемого лица, его религиозных чувств, невежестве и предрассудках.

В соответствии с положениями Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 г., «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по лю-

бой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия.

При этом в содержание определения «пытка» названная Конвенция не включает боль или страдания, которые возникают у лица лишь в результате законных санкций (мер), неотделимы от этих санкций (мер) либо вызываются ими случайно.

Гранью между правомерным и неправомерным психологическим воздействием при производстве допроса, а также других следственных действий является наличие либо отсутствие у допрашиваемого лица свободы выбора того или иного поведения как реакции на психологическое воздействие. Хрестоматийным является положение о том, что правомерное психическое воздействие само по себе не диктует адресату конкретное поведение, не вымогает показания угодного следователю содержания, а, вмешиваясь в психические процессы, формирует правильную позицию лица, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредованно приводит его к выбору определенной линии поведения.

Каждый из незаконных приемов психологического воздействия может вольно либо невольно способствовать оговору либо самооговору со стороны допрашиваемого лица, а применительно к фигуре подозреваемого и обвиняемого – еще и заставить дать, вопреки их желанию, показания против себя и своих близких, что является нарушением соответствующего конституционного положения. Сами по себе названные выше действия следователя влекут его юридическую ответственность – дисциплинарную, гражданско-правовую или уголовную, в зависимости от наступивших последствий.

Изложенные выше положения, касающиеся различия правомерного и неправомерного психологического воздействия, являются частью вопросов, связанных с этикой уголовного судопроизводства, в частности этическими основами допроса. Еще в XIX веке в отечественной литературе отмечалась необходимость защиты нравственного статуса личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. В частности, известный юрист А.Ф. Кони применительно к уголовному процессу выводил нравственные запреты следующего содержания: при производстве следственного действия не должно создаваться опасности для здоровья его участников; нельзя проводить действия, нарушающие общественную безопасность и нормы нравственности; при производстве следственных действий не должны оглашаться обстоятельства интимной жизни; следователь и понятые не могут присутствовать (последние могут участвовать в этом следственном действии лишь по решению следователя) при обнажении лица другого пола; недопустимо производство следственных действий в ночное

время, кроме случаев, не терпящих отлагательства. В дальнейшем в советской и постсоветской криминалистике эти положения воспринимались безусловно, хотя на практике им зачастую намеренно не пользовались. Нельзя при этом не заметить, что такие этические постулаты в своей неукоснительной строгости касаются лишь следственной деятельности и не охватывают своей оценкой приемы оперативно-розыскной деятельности. Так, Н.И. Якимов, указывая на такие отдельные приемы, как подсылания к женщинам молодых разведчиков приятной наружности, отмечал, что эти приемы заслуживают порицания с точки зрения нравственности, но без них никак не обойтись, и если они не преступны, то допустимы, раз нет другого средства узнать истину по делу [1, с. 225].

Об актуальности сказанного для современного уголовного судопроизводства в немалой степени свидетельствуют и научные публикации нашего времени. Так, Я.В. Комиссарова оптимальным признает вариант включения в УПК нормы, оговаривающей нравственные критерии допустимости производства любых процессуальных действий. По её мнению, статью, направленную на охрану интересов личности при отправлении правосудия (вне зависимости от процессуального статуса лица), можно было бы сформулировать в следующей редакции: «Производство процессуальных действий не допускается, если при этом возникает угроза жизни и здоровью граждан либо оглашаются выявленные обстоятельства личной жизни граждан, либо требуется присутствие граждан, включая следователя и понятых, при обнажении лица противоположного пола. Производство в отношении верующих процессуальных действий, нарушающих требования религиозной этики, а также проведение процессуальных действий в ночное время или наносящих моральный и материальный ущерб гражданам (независимо от размера ущерба) запрещается, кроме случаев, не терпящих отлагательства» [2, с. 91–92].

Таким образом, и Я.В. Комиссарова, и другие авторы, исследующие вопросы нравственных начал уголовного судопроизводства, отмечают одно важное положение: законодатель должен стремиться не только очертить рамки нравственных основ уголовного процесса, но и, по возможности, конкретизировать действия, посягающие на указанные основы.

Отдельные ученые, рассматривающие проблемы механизма реализации правоотношений с целью охраны прав и законных интересов всех его субъектов, отмечают необходимость их регламентации правовой нормой [3, с. 5].

И в этом смысле названные предложения перекликаются с высказываниями современников, живших и работавших в период становления состязательного процесса в России. Так, А.Ф. Кони, подмечая законодательные тенденции, писал в общем смысле о том, что само процессуальное право признает вторжение в область своего применения тре-

бований нравственности и старается в тех случаях, где эти требования можно осуществить прямыми предписаниями, дать им необходимое нормативно-правовое выражение [4, с. 26].

Сегодня наиболее значимые для уголовного процесса моральные нормы закрепляются в правовой форме: в качестве принципов уголовного судопроизводства, а также в качестве непосредственных требований к проведению отдельных следственных действий. Так, например, существует правовой запрет на производство любого следственного действия в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательств (ст. 164 УПК РФ).

Однако с точки зрения вопроса о соотношении морали и права как социальных регуляторов поведения приходится констатировать, что нормативно-правовое закрепление тех или иных этических правил означает появление правовой нормы. И в дальнейшем её несоблюдение будет означать нарушение правового веления, влекущего юридические последствия. Применительно к рассматриваемым в специальной литературе свойствам (признакам) тактического приема соответствие какого-либо приема правовой норме, в том числе правовой норме с этическим содержанием, будет означать наличие у такого приема свойства законности. В противном случае следовало бы признавать совпадение по своему содержанию свойств законности и этичности тактического приема.

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства, а также положений специальной литературы, касающихся запретов на осуществление действий, применительно к вопросу об этичности того или иного приема следственного действия, иных процессуальных действий позволяет прийти к мнению о разной степени очевидности этического и соответственно неэтического в поведении следователя.

Прежде следует назвать приемы, неэтичность которых очевидна, поскольку они запрещены законом: их применение следователем будет рассматриваться как правонарушение и влечь юридическую ответственность в том или ином виде. В строгом смысле здесь речь нужно вести о противозаконности расследования.

Вместе с тем существует ряд приемов, в отношении которых непросто определить их этичность либо неэтичность, поскольку в уголовно-процессуальном кодексе, других законах отсутствует норма, оценивающая их как незаконные, а следовательно, и неэтичные. Причем, как свидетельствует анализ специальной литературы, большая часть таких приемов связана с проведением допроса.

В силу многообразия нюансов общения, задействования в нем не только вербальных, но и невербальных средств вопрос об этических положениях допроса в криминалистической литературе освещается с диаметрально противоположных позиций. Прежде всего, это касается тактических приемов, основанных на сообщении следователем допраши-

ваемому лицу неверных сведений, умолчании при допросе об отдельных известных следователю обстоятельствах. Различную этическую оценку у тех или иных авторов получают и такие приемы допроса, как форсирование его темпа, задавание вопросов, которые могут породить различные догадки у допрашиваемого лица, а также прием, обозначаемый в специальной литературе как «перекрестный допрос».

Говоря о невербальных средствах допроса, следует, на наш взгляд, говорить о необходимости специального исследования в рамках криминалистической тактики вопроса о влиянии на оценку этичности действий следователя при допросе его невербального поведения. Это необходимо в силу того, что невербальная коммуникация в ходе общения, как свидетельствуют отдельные авторы, составляет 55 % коммуникации [5, с. 271].

Из всей группы спорных в этическом плане приемов допроса можно выделить ту часть, которая в специальной литературе обозначается термином «тактические хитрости». Причем сторонники допущения названных «хитростей», то есть признания за ними статуса тактических приемов, нередко их сущность выражают в понятии «постановка интеллектуальной задачи», что, на их взгляд, автоматически исключает вопрос о неэтичности такого способа воздействия.

Представляется, что при решении вопроса об этичности либо неэтичности перечисленных приемов и отнесении их к числу тактических следует принимать во внимание эти и иные соображения. В частности, при решении спора о допустимости приемов, основанных на несообщении допрашиваемому лицу известных следователю сведений, а также введении допрашиваемого в заблуждение относительно осведомленности следователя необходимо учитывать следующее:

1. С точки зрения механизма психологического воздействия в одинаковой мере психическое напряжение возникает у допрашиваемого лица как в момент сообщения ему неточных сведений, всего лишь части имеющихся в распоряжении следователя сведений, так и при сообщении ему правдивых показаний иных лиц, опровергающих выбранную на допросе позицию лица: у допрашиваемого лица и в том, и в другом случае могут возникнуть сомнения относительно искренности следователя и допрошенных лиц. Другими словами, в положении лица, имеющего заинтересованность в том или ином исходе уголовного дела, любой заданный ему на допросе вопрос может показаться «ловушкой».

2. В существующих в литературе рассуждениях об этичности тех или иных приемов происходит смешение вопросов о пределах и характере ограничения прав и свобод лица, в том числе права на получение объективной информации, с «доводами к личности» следователя как к осуждаемому в логике приему ведения дискуссии. В соответствии с такими

«доводами» следователь предстает как лицо, обязанное в любой момент допроса по требованию допрашиваемого сообщить ему истинное положение вещей, сложившееся в ходе предварительного расследования.

3. В основном преобладающая часть литературы об этических основах допроса и предварительного расследования в целом основывается на прежнем Уголовно-процессуальном кодексе, в котором отсутствовало законодательное разделение функций уголовного преследования и защиты. Закрепление в УПК РФ двух взаимоисключающих функций создает общую предпосылку характера отношений следователя и адвоката: предоставление в распоряжение стороны защиты всей имеющейся у следователя информации до завершения расследования по уголовному делу будет означать нивелирование функции уголовного преследования.

4. Всякое право в соответствии с Конституцией России может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты ценностей, названных в ст. 55 Конституции. Поскольку законность и этичность тех или иных приемов расследования определяется рамками Уголовно-процессуального кодекса, постольку можно говорить, что названный закон требует неразглашения имеющихся в уголовном законе сведений, а также представляет следователю возможность ограничивать до определенного момента и в определенной мере право допрашиваемого лица на получение объективной и полной информации. И вряд ли допустимо утверждение о том, что требование о неразглашении сведений, о которых стало известно в ходе производства предварительного расследования, касается только граждан, но не должностных лиц.

5. Попытки связать применение таких тактических приемов, как введение в заблуждение относительно имеющейся в распоряжении следователя информации, с унижением чести и достоинства допрашиваемых лиц, не соответствует юридическому содержанию названных понятий. Следовательно, такого рода действия следователя не являются основаниями для юридической защиты чести и достоинства введенного в заблуждение лица. Исходя из утвердившегося в теории и практике соотношения юридического и этического в правовой норме, вряд ли справедливо выделять какую-либо отдельную категорию лиц, в нашем случае – следователей, в отношении которых из этого правила делается исключение, обременяющее следователя «особой этичностью». В специальной литературе отмечается, что понятие «ложь» имеет характер социальной оценки и употребляется

только в отрицательном смысле. Сообщение заведомо неверных сведений в морально оправданной ситуации, как правило, ложью не называют [6, с. 50].

В основе непрекращающихся споров об этичности тех или иных тактических приемов, в том числе применяемых при допросе, лежит различное понимание этичности. Как отмечается в философской литературе, любая этическая система опирается на концепцию правильности и концепцию блага. Если способ соотнесения этих концепций опирается на цель, то благо определяется независимо от правильности, а правильность определяется как то, что способствует благу. Если же правильность первична по отношению к благу, то мы имеем дело с этической доктриной, трактующей справедливость как честность [7, с. 401].

Вместе с тем отсутствие запрета на конкретные действия следователя, являющиеся по определению безнравственными, не означает автоматическое отнесение их к числу приемов, отвечающих нравственным началам уголовного судопроизводства. Решая вопрос о допустимости такого рода приема (другими словами, о возможности считать его тактическим приемом), следователь должен исходить из общей оценки: исключает или нет его применение возможность психического принуждения, а также унижение чести и достоинства лица.

Завершая краткое рассуждение о содержании нравственного в тактике допроса, следует еще раз подчеркнуть значительную сложность оценки поведения должностного лица с точки зрения нравственности. В подтверждении этого уместным будет рассмотреть приводимый А.Ф. Кони ход следователя по отношению к обвиняемому, который упорно отрицал свою вину. Суть этого хода заключалась в том, что обвиняемому предъявили переписку девушки, в которую он был страстно влюблен, с другим мужчиной, с которым она, как свидетельствовало из писем, состояла в связи. В письмах девушка надсмехалась над обвиняемым, предпочитая ему, как пишет А.Ф. Кони, «грязного и подозрительного мужчину». Впав в глубокое отчаяние, обвиняемый затем рассказал всю правду.

Очевидно, что такое поведение следователя противоречит названным ранее А.Ф. Кони критериям нравственности. Примечательно, что за этим примером, приведенным указанным автором, не последовала отрицательная оценка его как недопустимого с точки зрения этических начал уголовного судопроизводства [4, с. 106], что еще раз свидетельствует о ситуационности, во многом, оценки этичности поведения следователя в ходе производства допроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якимов Н.И. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
2. Комиссарова Я.В. Процессуальные и нравственные проблемы производства экспертизы на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. 212 с.
3. Андреева О.И. Некоторые процессуально-криминалистические проблемы правоприменения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. / под ред. В.А. Уткина. Томск, 2004. Ч. 21. С. 3–9.

4. Кони А.Ф. Уголовный процесс: Нравственные начала. М.: СГУ, 2000. 132 с.
5. Холопова Е.Н., Кравцова Г.К. Экспертные психолого-акмеологические технологии выявления признаков психологической достоверности показаний участников предварительного следствия по видеоматериалам оперативных мероприятий и следственных действий // Библиотека криминалиста. 2014. № 2 (13). С. 264–275.
6. Ратинов А.Р., Гаврилова Н.И. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1982. Вып. 37. С. 50.
7. Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2006. С. 397–402

LEGALITY AND ETHICS OF INFLUENCING THE SUSPECT AND THE ACCUSED DURING INTERROGATION

Russian Journal of Criminal Law, 2014, no. 1(3), pp. 86–90.

Knyazkov Aleksey S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kneze@mail.ru

Keywords: interrogation tactics, tactics, legality of tactics, ethicality of tactics, opposition to investigation, nonverbal communication.

Specificity of criminal procedure as a form of social practice makes special demands to the means of crime detection and investigation, among which are tactical forensic tools. One of them, a tactical forensic tool, requires legal and ethical application. It is most difficult to judge about the legal and ethical application of tools in case of interrogation of the person who refuses to cooperate with the investigation. The main reason for this difficulty is that the content of such tools is a permissible psychological effect. Its essence does not allow to accurately determine and express the parameters distinguishing this effect from psychological violence.

The legality of the tool as well as its ethics is of the general “framework” character because the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not contain forensic recommendations. The assessment of the mode of action as a tactic should be made by analysing its compliance with the principle of legality (Article 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and other principles of criminal procedure.

The Criminal Procedure Code of the Russian Federation prohibits the use of illegal methods of action that can lead to denigration of honour and dignity of the interrogated person. Due to the complexity of denigration of honour and dignity the literature often associates this phenomenon with unethical tactical forensic tools. Such tools are called “investigative tricks”. The author gives arguments on the objective impossibility of causing denigration of honour and dignity of the interrogated person when these tactical forensic tools are applied.

REFERENCES

1. Yakimov N.I. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovolnoy tekhnike i taktike* [Forensics. Guide to criminal techniques and tactics]. Moscow, 1925.
2. Komissarova Ya.V. *Protsessual'nye i npravstvennye problemy proizvodstva ekspertizy na predvaritel'nom sledstvii*. Dis. kand. yurid. nauk [Procedural and moral problems of examination at the preliminary investigation. Law Cand. Diss.]. Saratov, 1996. 212 p.
3. Andreeva O.I. *Nekotorye protsessual'no-kriminalisticheskie problemy pravoprimeneniya v ugovolnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Some procedural forensic problems of enforcement in the criminal trial of the Russian Federation]. V.A. Utkin (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening the Russian statehood]. Tomsk, 2004. Pt. 21, pp. 3–9.
4. Koni A.F. *Ugovolnyy protsess: Npravstvennye nachala* [Criminal procedure: the moral bases]. Moscow, SGU Publ., 2000. 132 p.
5. Kholopova E.N., Kravtsova G.K. The expert psychological-akmeological techniques to identify signs of psychological reliability of testimonies of participants in preliminary investigation on the basis of video material of operational and investigative actions. *Biblioteka kriminalista – Criminalist's Library*, 2014, no. 2 (13), pp. 264–275. (In Russian)
6. Ratinov A.R., Gavrilova N.I. Logiko-psikhologicheskaya struktura lzhi i oshibki v svidetel'skikh pokazaniyakh [Logical-psychological structure of lies and errors in the testimony]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu*, 1982, issue 37, p. 50.
7. Kokhanovskiy V.P., Przhilenskiy V.I., Sergodeeva E.A. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, 2006, pp. 397–402.